

Новая газ. —

Он помогал не сдаваться «духу времени»

Ушел Сергей Сергеевич АВЕРИНЦЕВ

Мне невыносимо горько думать о том, что наши встречи с Сергеем Сергеевичем здесь, на земле, кончились.

Мне также горько, совсем невыносимо знать, что больше не придется прочесть ничего нового, написанного Аверинцевым. Никто не писал до него и не напишет после ничего похожего, о чем бы ни шла речь в каждом случае, — о переводах Жуковского или о Ефреме Сирине, о происхождении формы акафиста или о царе Эдипе. Это при том, что редко кто был так мало озабочен собственной «оригинальностью», «непохожестью», пресловутым «страхом влияния». Такого рода заботы кажутся слишком суетными рядом с тем, чем он занят.

Дело не в том, что его тексты сообщают знания (еще бы — и знания редкие, обширные и увлекательные!); но они сообщают нечто поважнее — они помогают не умирать заживо, они помогают не сдаваться тому «духу времени», который люди в каждое время считают чем-то совершенно особенным, необсуждаемым, небывалым прежде, но который во все времена одинаково враждебен одному: осуществлению человека.

Аверинцев видел вещи с особой точки зрения: с той, навстречу которой они раскрываются. Другие исследователи берут свои предметы мысли приступом, или заслоняют их собственными «концепциями», или орудуют ими, или говорят об их непроницаемости для нас — Аверинцев показывал нам мир смыслов самостоятельных и при этом готовых к собеседованию, к участию, к вниманию.

Такая позиция неистощима, и такой поворот речи никогда не перейдет в самоповторы. Не только теперь у нас нет ощущения, что Аверинцев уже сказал все, что мог, — мы не смогли бы решить так и если бы он продолжал жить и работать еще десятилетия. Он рано нашел этот ключ понимания вещей — чудесный ключ, не отмычку, — который открывает не только умственные, религиозные, художественные сокровища прошлого, но и события современности, еще не нашедшие воплощения.

Не менее чудесно то, что он его не потерял — как многие, пережившие раннее прозрение. Аверинцев — не музейный хранитель прошлого: и тогда, когда он пишет, скажем, о Плутархе, он мыслит о настоящем, из которого открывается и прошлое, и будущее, «и широта, и глубина, и высота».

Сергей Сергеевич любил строки Мандельштама:

*И когда я усну, отслуживши,
Всех живущих прижизненный груг —*

и, мне кажется, произносил их как бы от первого лица. Несомненно, он понимал собственную жизнь как служение («служба понимания», его определение филологии) — и, несомненно, он был прижизненным другом всех живущих. Мы слышим этот дружественный голос в его письме, в его обращении к читателю — доверяющему и уважительном, который так отличается от почти всего, что пишется у нас, и не только у нас. Дружеское отношение предполагает отсутствие и высокомерного, и заискивающего отношения к другому. Это негативное описание дружбы; позитивное же состоит в реальной, глубокой заинтересованности другим. Дружеский голос Аверинцева прозвучал в нелюдомом, ожесточенном, забитом и развязном обществе, каким стало наше к 70-м годам: это было неожиданнее, чем любой эпатаж, и в настоящем смысле бескомпромиссное.

В предисловии к последней изданной им книге («Псалмы Давидовы»). Перевод С.С. Аверинцева. — Дух и литера, Киев, 2003) Аверинцев говорит о простоте и сложности. «Потом (после простоты «Псалмов». — О.С.) придут сложные мысли, упорядоченные вероучительные тезисы... И благословенна эта сложность.... И не прав был Лев Толстой, когда ему хотелось разрушить сложные системы догматики, и литургии, и дисциплинирующих условностей культуры — ради опрощения. Но ведь когда-то сердце просит простоты: не опрощения и не упрощения — первоначальной простоты!».

Сложность и простота не относятся как добро и зло, вот что говорит Аверинцев. Есть благо сложности и благо простоты. Сердце когда-то просит одного и когда-то — другого. Зло в другом: в дурном упрощении и в дурной запутанности. «Различай!» — одно из любимых слов Аверинцева. Этому он нас и учил. Не «реагируй», а «различай». Не бойся сложного, поскольку без него мы можем возвести напраслину и на мир, и на себя самих. Не бойся простоты, поскольку без нее жизнь обрывается. Множество вещей, которые принято считать противоположными (как эти простота и сложность) и которые делят людей на непримиримые партии, — новаторов и традиционалистов, космополитов и почвенников, рационалистов и интуитивистов, и т.п. и т.п. — в мысли Аверинцева не противоречат друг другу. Выбор происходит не между ними: между ними происходит глохой, сектантский выбор (Аверинцев любит напоминать, что у дьявола две руки, он может предложить нам противоположные соблазны: а, не хочешь кошмарного хаоса? у меня есть еще и жутковатый «порядок!»). Но еще более неприятно Аверинцеву в таких случаях «беспринципное совмещение» бросающих друг друга вызов вещей. Это цинизм, «а на смену цинизму не приходит уже больше ничего. Ибо в нем выражает себя последнее, окончательное, безнадежное растение» («Псалмы», с. 143).